

На правах рукописи

МИХАЙЛОВ
Кирилл Алексеевич

Древнерусские элитарные погребения X – начала XI вв.
(по материалам захоронений в погребальных камерах).

Специальность 07.00.06

Автореферат
Диссертации на соискание ученой степени
Кандидата исторических наук

Санкт-Петербург
2005

Работа выполнена в Институте истории материальной культуры РАН

Научный руководитель – чл.-корр.РАН, доктор исторических наук,
профессор *Евгений Николаевич Носов*

Официальные оппоненты:

доктор исторических наук, профессор *Свердлов Михаил Борисович*

кандидат исторических наук *Седых Валерий Никандрович*

Ведущая организация – *Государственный Эрмитаж*

Защита состоится «__» в 14 часов на заседании диссертационного совета Д 002.052.01 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора исторических наук при Институте истории материальной культуры РАН по адресу: Санкт-Петербург, Дворцовая наб, 18.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Института истории материальной культуры РАН

Автореферат разослан «__» _____ 200__ года

Ученый секретарь
Диссертационного совета,
Кандидат исторических наук

П.Е.Нехорошев

Общая характеристика работы

Актуальность исследования. До настоящего времени одной из самых актуальных проблем отечественной исторической науки является реконструкция социальной организации Древней Руси. При этом наиболее сложным для изучения остается начальный этап сложения древнерусского государства. Для периода IX – XI вв. круг письменных источников ограничен и давно не пополняется новыми данными. Поэтому на первый план выдвигаются, регулярно пополняемые и многочисленные, археологические источники. Из их числа самую многочисленную информацию для реконструкции социальных и культурных процессов в древнерусском обществе предоставляют погребальные памятники. Среди них наиболее информативными считаются так называемые «дружинные» некрополи, которые традиционно считаются захоронениями древнерусской элиты.

В качестве объекта исследования нами выбрана та часть погребений древнерусской элиты, на примере которой можно наиболее полно изучать складывающуюся древнерусскую культуру. Наиболее наглядно этот процесс можно рассматривать на примере захоронений по обряду трупоположения. Однако далеко не все первые древнерусские трупоположения являются захоронениями элиты. К числу элитарных в отечественной археологии, традиционно, относят погребения в деревянных погребальных камерах. Они привлекли внимание археологов уже с конца XIX в. Однако вокруг этих ярких памятников до сих пор продолжается дискуссия. Нерешенными остаются вопросы о культурной и этнической принадлежности захоронений в камерах, не изучены проблемы связанные с особенностями обряда и хронологией древнерусских погребальных камер.

За последние десятилетия эта группа погребений пополнилось десятками новых находок. В свою очередь, в Северной Европе опубликованы многочисленные аналогии этим ярким захоронениям. В работах А.-С.Грэслунд (Gräslund, 1980) и С.Айзеншмидт (Eisenschmidt, 1994) был подведен итог изучению камер в Скандинавии. Исследовательницы собрали и изучили весь существующий фонд датских и шведских захоронений в камерах эпохи викингов. Поэтому на новом этапе исследований перед отечественными исследователями встает задача выявления и обработки накопленных материалов,

соотнесение его с погребальными традициями исследуемого периода, выявление происхождения древнерусских камер, «срубных» или «погребальных гробниц». Собранные материалы на примере древнерусских «срубных гробниц» или камер позволяют впервые, в таком объеме, выявить культурные истоки древнерусской элиты, реконструировать культуру и погребальные традиции верхушки древнерусского общества.

Географические рамки исследования ограничены древнерусскими памятниками и территориями с древнерусской культурой. За рамками исследования остались проблемы связанные с распространением погребений имитирующих жилища или, так называемые, «домики мертвых».

Цели и задачи исследования. Главными задачами исследования становится выявление среди первых древнерусских труположений захоронений в деревянных погребальных камерах, изучение особенностей погребального ритуала и создание научной выборки всех доступных погребений данного типа. В рамках этой задачи важным становится выяснение общих черт обряда и, на их базе, общих, универсальных критериев отбора древнерусских камер. В последнее время это становится актуальным из-за той быстроты, с которой отечественные исследователи увеличивают группу этих захоронений. Важным этапом становится анализ всех черт присущих этой группе захоронений и, в дальнейшем, синтез наиболее важных из них. На основе обобщения общих, сохранившихся и зафиксированных археологами, черт погребального обряда древнерусских камер мы попытаемся реконструировать их погребальный ритуал. Параллельно должны быть рассмотрены отдельные аспекты материальной культуры, которые характеризуют группу людей захороненных в камерах. Особое внимание уделено социальным реконструкциям того места, которое занимали в древнерусском обществе создатели погребального обряда и похороненные в камерах.

Территориально-хронологические рамки исследования. Цели исследования ограничивают территориальные рамки исследования границами распространения древнерусской культуры и древнерусского государства в X – XI вв. Так как главным объектам исследования стали ранние древнерусские памятники, то за рамками исследования остались памятники небольших этнических групп, находящиеся на границах

Древней Руси X – XI вв. (могильники Юго-Восточного Приладожья, Карелии и западных районов Новгородской земли, которые в этот период были заселены финно-угорскими племенами и формально находились за пределами древнерусских территорий).

Методика исследования. Методика исследования основана на комплексном источниковедческом подходе. Когда учитывается, что археологизированное древнее захоронение не идентично погребению в момент его совершения (Клейн, 1978). Поэтому историческим реконструкциям, опирающимся на находки из погребений, должен предшествовать всесторонний анализ и затем, по возможности, восстановление облика первоначально погребального памятника и погребального обряда. Главное внимание в этом анализе памятников уделено поиску общих закономерностей в сохранившихся остатках погребального ритуала. В связи с этим, при изучении погребальных камер применялись различные методы: картографический, планиграфический и стратиграфический. При выяснении временных рамок бытования погребальных камер в Восточной Европе особое внимание было уделено предметам с высокими датировочными возможностями.

Источники. Работа базируется на материалах из полевых археологических отчетов хранящихся в научно-отраслевом архиве ИА РАН, рукописном и фото архиве ИИМК РАН, научном архиве ИА НАНУ, материалах их архива главного антиквара в Стокгольмском историческом музее (АТА), полевых материалах Старокиевской экспедиции ИА НАНУ и Гнёздовской экспедиции МГУ. Во время подготовки работы использовались археологические материалы, хранящиеся в фондах Государственного Эрмитажа, Государственного Исторического музея, Смоленского музея-заповедника, Черниговского областного краеведческого музея, Киевского государственного исторического музея, Музея исторического факультета МГУ. В исследовании так же использовались памятники известные по публикации и отдельные вещи из комплексов, опубликованные в каталогах выставок. Источниковедческая основа работы суммирована в приложениях-каталогах, включающих 105 комплексов из 13 древнерусских некрополей.

Научная новизна работы. В исследовании впервые в отечественной историографии полностью собран и изучен материал

древнерусских погребальных камер. На основе анализа погребального обряда и вещевого набора погребального инвентаря рассмотрены вопросы происхождения, структуры, хронологии и социальной значимости обряда камерных захоронений.

Практическая ценность работы. Результаты работы могут быть использованы при дальнейшем изучении древнерусского общества в работах общего исторического характера. Основные положения работы могут так же использоваться для составления обобщающих трудов по истории России ...

Апробация результатов исследования. Основные положения работы опубликованы в 15 печатных работах. Отдельные положения диссертации обсуждались на заседаниях отдела славяно-финской археологии ИИМК РАН и научных конференциях в Санкт-Петербурге, Новгороде, Старой Ладоге и в Москве. По теме диссертации сделаны доклады в Государственном Историческом музее (Москва) на конференции «125 лет изучения Гнёздовского археологического комплекса» (2001 г); Новгородском государственном музее-заповеднике на научной конференции «Новгород и Новгородская земля. История и археология» (1996, 1997, 2003); в Староладожском государственном музее-заповеднике на конференции «Ладога первая столица Руси» (2002 г.); в Гос.Эрмитаже на конференции посвященной 100-тию со дня рождения М.К.Каргера (2003 г.); на 2-й ежегодной московской конференции группы средневековой археологии евразийских степей Института Археологии РАН «Восточные древности в истории России. Эпоха средневековья» (2004 г.).

Структура работы. Диссертация состоит из введения, пяти глав, заключения, перечня литературы и архивных документов, альбома иллюстраций. В структуру работы входят приложения, состоящие из двух четырех приложений, в том числе двух каталогов погребений.

Основное содержание работы.

Во *введении* обосновывается актуальность темы, определяются цели и задачи исследования, его территориальные и хронологические рамки, определяется методика решения задач работы, дается описание источников, обоснована новизна работы.

Глава I. Историография и источники. Начало массовых научных исследований древнерусских могильников X – XI вв. связано с

деятельностью сотрудников Московского археологического общества и Императорской археологической комиссии в Санкт-Петербурге. Важное значение для популяризации древнерусской археологии сыграл археологический съезд в Чернигове, во время которого Д.Я.Самоквасов проводил показательные раскопки захоронений черниговского средневекового некрополя. На строительных площадках конца XIX-начала XX вв. в Киеве, Гнёздово и Чернигове В.Б.Антонович, В.Гёзе, Д.В.Милеев и С.П.Вильмин, Д.Я.Самоквасов, С.И.Сергеев, И.А.Хойновский первыми обратили внимание на яркие ранние древнерусские труположения, которые вошли в историографию под названием «срубные гробницы». Дальнейшее изучение подобных захоронений происходит в 1920-1930 гг. в могильнике Шестовица и киевском некрополе. В могильнике Шестовица П.И.Смолечеву удалось исследовать четыре захоронения в срубах с многочисленным инвентарем, сопроводительными захоронениями женщин и коней. Большая группа захоронений этого типа была исследована экспедициями Киевского института археологии и ИИМК АН СССР под руководством Ф.Н. Молчановского и М.К.Каргера в районе Десятинной церкви.

Первые попытки обобщить материалы древнерусских «срубных» гробниц стали возможны только во второй половине XX в. (работы Л.А.Голубевой, Д.И.Блифельда, М.К.Каргера, Б.А.Рыбакова). В разделе *«История изучения погребальных камер в Восточной Европе»* прослежены основные этапы исследований погребального обряда камер в отечественной науке. В Приложении № 3 к главе I рассмотрены отдельные аспекты изучения центральной части киевского могильника вокруг Десятинной церкви, основанные на вновь открытых архивных источниках. В разделе *«История изучения погребальных камер эпохи викингов в Северной Европе»* рассмотрена зарубежная историография. В разделе *«Погребальные камеры Древней Руси: проблема и дискуссия»* анализируются методики и критерии выделения камер из числа раннесредневековых труположений. В результате, в качестве основополагающих приняты критерии базирующиеся на формулировках Я.Н.Ламма (Lamm, 1973) и Ю.Э.Жарнова (1991). На основе принятой методики произведен отбор древнерусских погребальных камер (Приложение I). Погребальные комплексы,

информация о которых недостаточна включены в отдельный каталог (Приложение II).

Глава II. Топография и география могильников с камерными погребениями. В главе анализируются районы распространения погребальных камер эпохи викингов. На территории Дании концентрация подобных погребальных комплексов, преимущественно, зафиксирована в исторических областях Средней Ютландии, Юго-Западной Ютландии, в провинции Шлезвиг-Голштейн, на островах Лангелан и Лолланд; концентрация камер совпадает с зонами, плотно заселенными в эпоху раннего средневековья (со значительной концентрацией могильников эпохи викингов). В Швеции захоронения в камерах эпохи викингов, сконцентрированы, преимущественно, на одном городском памятнике – Бирке на острове Бьёрко, а остальные немногочисленные погребения распределены по небольшим родовым кладбищам области Уппланд. За пределами Скандинавии отдельные камерные погребения эпохи викингов обнаружены на южном побережье Балтики, на землях польского Поморья. Общее расположение могильников с погребальными камерами указывает на то, что они концентрируются вокруг раннегородских памятников (Хедебю, Бирка и Старигард). Целый ряд камер связан с крупными усадьбами скандинавской аристократии и королевскими резиденциями (Еллингс). Главное отличие датской и шведской зоны распространения камерного обряда, по-видимому, заключается в неравномерном распределении погребений в могильниках. Так, например, в Швеции около 90% всех камер сосредоточено в могильнике Бирки, а в Дании значительное число камер раскиданы в небольших сельских некрополях. Большинство древнерусских захоронений в камерах связаны с крупными курганными могильниками, которые насчитывали сотни погребений. Подавляющее число этих могильников являлись кладбищами первых русских городов или крупных торгово-ремесленных центров, таких как Тимерёво, Киев, Чернигов, Псков, Ладога или Шестовицы. На примере погребений из Гнёздово, Тимерево, Шестовиц и Старой Ладоги особенно заметно, что захоронения в камерах тяготеют к границам могильников или краям рядов курганов. По-видимому, в отличие от Скандинавии, древнерусские погребения в камерах не были дистанцированными от основной массы других

погребений. Однако заметно, что их расположение «привязано» преимущественно к окраинам раннесредневековых городских кладбищ.

Глава III. Конструкции и погребальный обряд. Большинство конструктивных особенностей свидетельствуют о том, что древнерусские камеры сооружались с учетом, даже несущественных для могильного сооружения, особенностей древнерусского домостроительства. Среди способов сооружения главными были столбовая и срубная техника строительства. В первом случае угловые деревянные столбы вкапывались или вбивались по углам могильной ямы, а уже к ним крепились деревянные стены погребального склепа (18 могил). Деревянные камеры каркасно-столбовой конструкции оказались наиболее характерны для могильников Шестовица, Чернигова, и Гнёздово. Камеры-срубы достоверно зафиксированы в 19 древнерусских могилах, а ещё в девяти захоронениях наличие сруба было прослежено исследователями, по сохранившимся следам дерева на стенах могильной ямы. Срубы сооружались в двух техниках рубки углов срубов: «в обло» и «в лапу». Потолок или фрагменты верхних перекрытий могильной ямы безусловно присутствовали в 38 захоронениях. Остатки деревянного настила из досок или пол достоверно зафиксирован в 18 древнерусских камерах. В пяти погребениях зафиксированы деревянные лаги – брусья на которые в домах укладывали доски пола. В 9 случаях, вместо досок дно могильной ямы обмазывали глиной или покрывали берестой. Следы бересты, покрывавшей дно могилы, зафиксированы в Старой Ладого, Тимерёво, Гнёздово и Пскове. В ряде случаев исследователями отмечено существование камер «иной», отличной от срубной и столбовой конструкций. Они обнаружены как в Шестовицах, так и в Киеве, Чернигове, Тимерево и Гнёздово.

В качестве важной и отличительной черты погребального обряда камерных погребений следует упомянуть камеры с захороненными в них лошадьми (19 комплексов), причем наличие захоронения коня повлияло на саму конструкцию погребального сооружения. Кони в камерах захоранивались вместе с упряжью и обязательно целиком. Параллели этой детали древнерусских камер стали известны в могильниках Бирка и некрополях из округи Хедебю.

Внутреннее пространство камер было разделено дополнительными конструкциями. Можно выделить два членения внутреннего пространства камеры: разделение на две половины досками и встроенные конструкции для помещения тела. Первое встречено только в двух древнерусских камерах. В пяти древнерусских камерах встречены остатки гробов, которые можно отнести к числу «дополнительным» конструкций.

Одной из главных задач исследователей погребальных камер стал поиск четких критериев для этого типа труположений, выделяющих их среди прочих «обычных» ингумаций.

По наблюдениям А.-С.Грэслунд (Gräslund, 1980), важнейшими, качественными критериями камерных погребений могильника Бирка являются как ширина самой могильной ямы, так и определенные пропорции соотношения ширины и длины ямы. По мнению С.Айзеншмидт (Eisenschmidt, 1994) среди датских труположений эпохи викингов камерами можно считать могилы со следами деревянных сооружений шириной не менее 1.20 и длиной около 2.0 м. Могилы без следов дерева и с шириной ямы между 1.20 и 1.50 м исследовательница отнесла к захоронениям без внутренних конструкций в больших могильных ямах - «Graberggröße». Могилы с шириной дна погребальной ямы более 1.5. С.Айзеншмидт причисляет к захоронениям в камерах.

Для древнерусских захоронений сравнение размеров могильных ям проведено на материалах Гнездовского комплекса. Ю.Э.Жарнов обнаружил, что для камерных захоронениях Гнездово чаще всего ширина дна ям варьировалась от 135 до 195 см длина – от 220 до 310 см (Жарнов, 1991, 1998). Результаты сравнений «обычных» древнерусских труположений и погребений в камерах подтверждают выводы исследователей, сделанные на примере скандинавских и древнерусских могильников. В тенденции поперечные размеры камерных погребений превышают аналогичные параметры «обычных» труположений в ямах, или в ямах с захоронениями в гробу или домовине. В большинстве «обычных» древнерусских ингумаций X-XI вв. в древнерусских городских могильниках ширина ямы не превышала 1 м, а максимальная длина колебалась от 2 до 3 м. Ширина могильной ямы (по дну) у большинства камер колебалась от 1.5 до 3 м, а длина от 3 м и более. Значительные размеры могильной ямы могут служить признаком

камерного обряда только в сочетании с другими конструктивными и ритуальными особенностями.

Как правило, древнерусские камерные погребения ориентированы по оси Запад-Восток с некоторыми отклонениями. Большинство погребенных лежат в могиле головой на Запад. Из-за плохой сохранности костных останков, в некоторых камерах определить положение умершего можно только по расположению инвентаря. Около 65% всех погребенных в древнерусских камерах ориентированы головой на запад, с отклонениями на северо-запад или юго-запад. В пяти погребениях умершие были положены головой на восток, с отклонениями к северо-востоку, в двух камерах тела были расположены головой на юг и только в трех случаях головой на север с отклонениями к С-В и С-З. Эта статистика согласуется со статистикой скандинавских камер эпохи викингов, где большинство погребенных были захоронены головой на запад (Gräslund, 1980). Самая распространенная поза погребенных в камерах – это положение лёжа на спине с вытянутыми вдоль туловища руками. Иногда руки были скрещены на животе покойного. Положение погребенных на спине зафиксировано в 25 древнерусских камерах. Одним из характерных и ярких элементов погребального обряда камер является сидячее положение умершего. Сидячее или полу сидячее положение тел умерших зафиксировано в камерах не менее 18 раз.

Из 71 древнерусских камерных погребений в 61 удалось определить пол погребенных. Одиночных мужских захоронений в камерах насчитывается 36 от общего числа. Одиночных захоронений с набором женского инвентаря насчитывается 21 комплекс. Всего насчитывается 12 древнерусских парных комплексов (Таблица I). Из этого числа девять являлись парными захоронениями мужчины и женщины, два к парному захоронению двух мужчин и только одно - тимеровское принадлежит к погребениям двух женщин. Из общего числа похороненных в камерах удалось определить только шесть комплексов, которые принадлежали детям и подросткам. Три из них, по-видимому, принадлежали мальчикам три – девочкам. Всего в 71 камере было захоронено примерно 50 мужчин и 33 женщины. Однако сами могилы принадлежали (вместе с парными захоронениями) 44 мужским и 22 женским захоронениям. То есть мужские комплексы составляют примерно 62%, женские – около 32%, а детские могилы – 8.5% от

общего числа. Соотношение мужских, женских и детских захоронений, на мой взгляд, подтверждают экстраординарный характер этого обряда. Когда захоронения мужчин непропорционально доминируют над женскими захоронениями, а захоронения детей составляют, как нам кажется, незначительную величину.

В разделе *Положение погребального инвентаря* рассмотрено размещение инвентаря в могиле. Главные особенности, которые удается проследить это: тело помещали в центре камеры, а крупные предметы укладывали вдоль стен. Тела женщин лежат слева от мужчин, но оружие и, особенно, меч – справа. Боевые топоры, чаще всего укладывали, справа от мужчины, а стрелы – у изголовья. Коня, чаще всего, лежат в ногах погребенных вместе со снаряжением всадника. Снаряжение всадника без коня встречено единственный раз в погребении из раскопок М.К.Каргера в Десятинной церкви. Керамика, чаще всего, помещалась в ногах покойника, а деревянные ведра – справа. Такое размещение инвентаря, в большинстве случаев, совпадает с размещением вещей в камерах Бирки и Дании (Thålin-Bergman, 1986; Eisenschmidt, 1994:).

Существуют также особенности характерные только для древнерусских камер. Например, умбоны от щитов, которые в Бирке находят в изголовье мужских погребений, среди древнерусских камер встречены только в одном экземпляре в Киеве, в камере на Б.Житомирской ул. (Каталог I № К-10). Также немного в древнерусских камерах, в сравнении с Биркой, и мечей. Яркой особенностью древнерусских погребений можно считать помещение рядом с покойником взнузданного верхового коня. Необычно много в древнерусских погребениях боевых топориков-чеканов – оружие конного воина причерноморских степей. Большие пространства камер остаются без предметов инвентаря. Возможно, в таких пустых пространствах размещались громоздкие вещи из дерева (стулья, столы, сундуки), впоследствии истлевшие. Основанием для таких реконструкций могут стать камеры, где полностью сохранились предметы из органики. В некоторых случаях можно предположить, что пустое пространство сохраняли для совершения дополнительных обрядовых действий.

Внешние формы погребального сооружения, к которым отнесены: курганы, ровики, кострища, а так же другие намогильные сооружения

рассмотрены в самостоятельном разделе. По-видимому, большинство погребальных камер были обозначено над поверхностью земли курганом. Остатки земляных насыпей были обнаружены в 45 случаях. Для остальных погребений наличие кургана предполагается на основе остатков насыпей или ровиков, зафиксированных во время раскопок. В большинстве захоронений верхние перекрытия обрушились в могильную яму вместе с землей, что косвенно указывает на наличие насыпей. Кольцевые ровики, вокруг курганов зафиксированы в не менее чем 17 случаях и особенно часто эта деталь наблюдается в Гнёздово. При тщательной фиксации древних городских слоев иногда удается проследить остатки древних курганов, перекрытых городской застройкой (Псков, погр. № 15; Киев, погр. на Софийской площади). Большинство из курганов имели вокруг кольцевые ровики с перемычками. Диаметр насыпей от 6-7 до 15 м, высота – 1 м или ниже. Из общего числа курганов над камерами, своей величиной, выделяются курганы из Гущино под Черниговым, курган в Чернигове на «старом кладбище в Березках», шестовицкие погребения №36 и 145, камера в большом кургане могильника Плакун, гнёздовское погребение Оль-30 и погребение из раскопок 1998 г. на Софийской площади в Киеве.

Важной деталью намогильных сооружений и важной особенностью погребального ритуала являются остатки костров, которые разводили на месте погребения. Следы сгоревших деревянных перекрытий так же обнаружили в погребальных камерах в Чернигове, Шестовице, Тимереве и Старой Ладого, т.е. на основании имеющихся данных, можно предположить, что костры сопутствовали похоронному обряду большинства древнерусских погребальных камер.

Среди древнерусских некрополей существует особая ситуация, когда камеры оказались связаны с местом строительства средневековой церкви. Подобное совпадение известно в Киеве (погребальные камеры под и вокруг первого древнерусского каменного храма – собора Богородицы Десятиной, см.: Приложение № 4)

В специальном разделе рассмотрена проблема т.н. «домиков мёртвых» и других подобных погребальных конструкций в средневековых некрополях Восточной Европы и Карелии. Погребальные сооружения, которые археологи называют «домиками мёртвых» известны в районах Юго-Восточного Приладожья и Карелии. Они представляли собой деревянные, часто срубные, сооружения

высотой в 1-2 венца, внутри которых находились различные захоронения по обряду сожжения. Эти конструкции располагались на поверхности земли как в открытом, не засыпанном виде, так и под курганными насыпями. Подобные срубные сооружения зафиксированы у раннесредневековых финно-угорских групп Прионежья, Приладожья и Молого-Шекснинского междуречья (Назаренко В.А., Назаренко В.Ю., 1988; Башенькин, 1985; Башенькин, 1995; Богуславский, 1995; Назаренко, 1987). Погребальные сооружения, внешне напоминающие срубы, были открыты в средневековых могильниках Верхнего Поволжья, где такие захоронения по обряду кремации иногда называют «камерами». Большинство этих сооружений принципиально отличаются по конструкциям и особенностям обряда от североевропейских камерных сооружений эпохи викингов и древнерусских камер. Значительно различается набор инвентаря, обряд и хронология. Поэтому, не вполне корректно использовать т.н. «домики мёртвых» для сравнения с погребальными камерами эпохи викингов.

В некоторых случаях во время раскопок удалось выявить т.н. «ограбленные захоронения». После подробного изучения всех подобных случаев, можно считать установленным, что преднамеренное вскрытие камер и изъятие богатого инвентаря современниками не практиковалось: если разрушение могилы и происходило, то это было связано со строительными работами или разрушением некрополя.

В результате исследований особенностей погребальных конструкций и сохранившихся вещественных остатков обрядовых действий в конце главы подводится итог исследованиям. Конструктивные особенности погребальных камер указывают на то, что для них были характерны деревянные крыши и полы. Они строились в той же технике, что и реальные жилые постройки, известные нам по раскопкам в Новгороде и Старой Ладогe. В тех случаях, когда полностью проследить деревянные конструкции не удалось, на наличие таких сооружений, указывают косвенные данные (положение тела и инвентаря в могиле). Характерной особенностью этого погребального обряда является сидячее размещение покойников внутри сооружения. Сидячая поза имеет несколько вариантов, которые свидетельствуют об использовании дополнительных предметов инвентаря (подушек и стульев). Следовательно, главным, для тех, кто сооружал камеры, важен был сам принцип размещения и сохранения покойника в сидящем

положении. Ориентировка большинства покойников единообразна – головой на запад. Одной из особенностей древнерусского варианта обряда в погребальных камерах, которую удалось проследить в нескольких могильниках, стала сооружение костра над могилой, ещё до возведения кургана. Важной особенностью всей группы погребений так же стал половозрастной состав захороненных по этому обряду. Преобладают мужские погребения при значительно меньшем числе женских и, фактически, при отсутствии детских захоронений. Для мужских погребений важной отличительной особенностью стали совместные захоронения с конем и сопроводительным захоронением женщины. В большинстве древнерусских погребальных камер прослежены общие закономерности в размещении инвентаря и сопроводительных погребений в могиле. Многие особенности обряда этих погребений имеют параллели и аналогии в одновременных погребальных камерах Дании и Швеции. Однако целый ряд особенностей погребальной практики древнерусских захоронений позволяют выделять древнерусские погребальные камеры в особую группу или вариант, отличающийся от своих скандинавских прототипов. Выявленные закономерности позволяют говорить именно о древнерусском «варианте» обряда захоронений в камерах, общие, характерные черты которого просматриваются во всей группе захоронений от Старой Ладogi и Пскова до Киева и Чернигова.

Глава IV. Инвентарь и хронология. Погребальный инвентарь, наряду с конструкцией могилы, размерами погребального сооружения, топографическими особенностями расположения захоронения, составляет единое целое, представляя собой материальные остатки погребального ритуала. Вместе со всеми сохранившимися элементами погребального ритуала инвентарь помогает реконструировать погребальный обряд. Он также представляет собой материал для исследований и реконструкции социальной структуры древнего общества. Для оценки погребального инвентаря существуют различные методики. При изучения вещей из древнерусской группы камер, на начальном этапе, мы используем традиционный метод рассмотрения инвентаря по категориям вещей. Подобный метод исследования наборов погребального инвентаря широко применяется современными исследователями (Eisenschmidt, 1994; Хвошинская, 2004).

По числу предметов инвентаря в погребении древнерусские камеры подразделяются на четыре группы: в *первую* группу входят 24 погребения с числом предметов от 1 до 5; во *вторую* – 12 камер с числом предметов от 6 до 8; в *третью* – 25 камер с числом предметов инвентаря от 9 до 16; в *четвертой* – 10 погребальных камер с числом предметов свыше 18. Среди захоронений четвертой группы есть три погребальные камеры с числом вещей от 29 до 32. Статистические подсчеты демонстрирует, что более половины древнерусских погребальных камер имели в составе набора инвентаря свыше 5 предметов. К числу «малоинвентарных» погребальных камер можно отнести около 22% захоронений, а к числу «богатых» (с большим числом предметов) – не менее 78% захоронений. Среди «малоинвентарных» также оказались погребения с немногочисленным, но дорогим инвентарём.

В отдельном разделе рассматривается инвентарь из мужских и женских погребений. Около 81% всех мужских захоронений в камерах имели наборы оружия, отдельные предметы вооружения или снаряжения всадника. Первую, наиболее многочисленную группу погребений с наборами оружия составляют захоронения мужчин, где главным и самым дорогим предметом являются меч или скрамасакс (всего 17). Вторую группу составляют наборы с копьем и топором или с набором вооружения, состоящим из копья, топора и набора стрел (всего 9). 56 камер имеют в составе погребального инвентаря вещи, изготовленные из драгоценных металлов или украшенные драгоценными металлами, а так же предметы импортного, привозного происхождения. Этот признак совершенно отсутствует как в древнерусских труположениях в ямах, так и во многих трупосожжениях X столетия. По комбинациям погребального инвентаря в древнерусских камерах выделяются две группы захоронений. Для *первой* группы характерно сочетание таких основных элементов как: конь и разнообразное снаряжение воина-всадника и набор вооружения, который состоит из топора и копья. Для погребений этой группы характерно присутствие в могиле сопутствующие захоронение «раба», а так же набор лучника, скрамасакс. Для *второй* группы характерно сочетание набора оружия без всаднического снаряжения. Однако в захоронениях второй группы встречаются и мечи, и весы с гирьками. Обе группы имеют в своем составе такие элементы, как

североевропейские фибулы и остатки кафтанов с бронзовыми пуговицами. Сочетание подковообразной фибулы и пуговиц от кафтана зафиксировано в 13 погребениях из 32 с фибулами и пуговицами.

Наборы женского погребального инвентаря представлены в 21 одиночных, одном парном женском и в 8 парных мужских погребениях. Собственно женскими захоронениями можно причислить только 22 погребение. Восемь женских захоронений не являются самостоятельными. В мужских могилах они сопутствуют основному – мужскому захоронению, являясь частью обряда мужских погребений. Женский инвентарь состоит из украшений, одежды и её аксессуаров, посуды, предметов обихода, и «громоздких» предметов – сундуков и ларцов. В отличие от скандинавских погребений в камерах, где иногда встречаются детали повозок, конская упряжь или захоронения коней, древнерусские женские захоронения в камерах, за редким исключением, обходятся без предметов крупногабаритного, громоздкого инвентаря. Погребения женщин можно разделить, так же как и мужские, на четыре группы по количеству вещей в захоронении: к первой группе, с числом предметов от 2 до 5, относится 7 погребений; ко второй группе – три захоронения; в третью, самую многочисленную, отнесено 9 погребальных камер; в четвертой группе с самым многочисленным набором инвентаря отнесено две камеры с 22 и 18 предметами. Более половины погребальных камер имеют в своем наборе более 5 предметов. Наиболее часто встречающийся набор женских украшений состоит из ожерелья и различных металлических фибул. С этим набором украшений сочетаются находки остатков головного платка вышитого серебряными или золотыми нитями. Во всех погребениях с этим набором вещей найдены украшения скандинавского или североевропейского происхождения. Всего с костюмом украшенным фибулами, предметами скандинавского происхождения и головным платком можно соотнести 12 погребений, что составляет около половины женских захоронений. В погребальных камерах 8 умершие женщины были помещены в могилу в сидячем положении. В пяти погребальных камерах элементы скандинавского женского костюма сочетаются с сидячим положением покойницы. В остальных погребальных камерах главным, сохранившимся элементом костюма, является ожерелье. В состав ожерелья входили как стеклянные бусы,

так и металлические подвески североевропейского происхождения. Следует отметить, что большинство женских погребений с признаками скандинавского костюма принадлежит к числу наиболее богатых по числу предметов. Шесть из них имеют более 9 предметов. В двух погребениях число предметов превышает шесть экземпляров. Ещё два захоронения с овальными фибулами и одно с подковообразной принадлежат к числу «малоинвентарных» захоронений. То есть наличие скандинавского костюма и «богатых» украшений прямо не связаны с «богатством» захоронения. В то же время, два женских погребения из Киева и одно из Тимерево, без скандинавских фибул на платье и с ожерельем в качестве главного украшения, принадлежат к числу погребальных камер с самым многочисленным инвентарем.

В разделе *Фаунистический комплекс погребений* рассмотрены находки костей животных и связь этих находок с обрядом захоронения. Помимо 19 захоронений коня, кости животных зафиксированы в 15 комплексах. Те данные, которые приведены в публикациях, позволяют нам говорить о том, что в могиле находят только разрозненные части животных, отдельные ребра, лопатки или черепа. Этот факт свидетельствует в пользу того, что части животных входили в набор «заупокойной» трапезы. В пользу такого предположения свидетельствуют наборы из таких останков, где вместе находят: ребра барана, быка, свиньи и кости курицы, черепа барана и свиньи, челюсть свиньи и кость телят. В одной из шестовицких камер кости свиньи были найдены вместе с яичной скорлупой, которая по данным русской этнографии является традиционной заупокойной пищей.

Для понимания условий в которых появляется и формируется обряд древнерусских погребальных камер необходимо установить хронологические рамки бытования как отдельных захоронений, так и всей группы погребений. Все погребения разделяются на три разновременные группы. К *первой* хронологической группе относятся шесть погребальных камер сооруженных в последней четверти X в (960-970-гг). Поздняя датировка этих комплексов основана на монетах и некоторых типах вещей; датировка двух комплексов (Гнездово) уточнена по дендродатам. Во *вторую* хронологическую группу включены комплексы, которые появились не ранее середины – второй половины X в. В *третью* хронологическую группу включены погребальные камеры в которых погребальный инвентарь широко

датируется X в. Пока не представляется возможным сузить датировку этих погребений. Сравнение данных о существовании отдельных погребений указывают на то, что обряд захоронения в камерах окончательно формируется и распространяется в древнерусских могильниках во второй – третьей четверти X в (930-960-е гг.).

По-видимому, особняком в этом ряду стоит захоронение в кургане № 11 могильника Плакун с дендродатой – 890-895 гг. Это захоронение отстоит от общей группы древнерусских погребальных камер на время жизни целого поколения. Так же обособлено от хронологии большинства древнерусских погребальных камер выглядит датировка погребений могильника Удрай II с датировками по монетам 996-1006 гг. В то же время, изучение датировок погребальных камер демонстрирует, что определение нижней даты погребения по дате монеты не совсем оправдано. Так, например, в погребальных камерах построенных не ранее середины X в. найдены арабские дирхемы 911, 913/914, 905/911 и 892-907 гг. Общие границы бытования древнерусских погребальных камер совпадают с датировками камер Скандинавии. В шведской Бирке большинство камер относится именно к поздней стадии существования некрополя Бирки, т.е. 880-970 гг (Gräslund, 1980. P. 29-30). В Дании погребения в камерах распространяются с конца IX в. Древнейшие сооружения этого типа открыты в Хедебю, где королевское захоронение под большим курганом с ладьей датируют около 900 г. Значительное большинство исследованных камер относятся к X в. Одно из последних была построена погребальная камера в Хенигкирхе: она относится к концу X или рубежу X – XI вв (Eisenschmidt, 1994. P. 70). По-видимому, большинство древнерусских и североевропейских камер были возведены одновременно, не ранее второй четверти X в. или, возможно, во второй половине X в.

Глава V. Происхождение древнерусских погребальных камер.

Глава посвящена проблеме появления и развития погребального обряда в камерах в раннесредневековой Европе, этнической и конфессиональной принадлежности захороненных в них людей. Подробно рассматривается дискуссия о принадлежности погребальных камер в Скандинавии и Западной Европе. С проблемой происхождения обряда камер тесным образом связана проблема «этнической» принадлежности погребенных в них людей. Самые ранние погребальные камеры датского города Хедебю, которые открыты в

могильнике внутри городских валов, долгое время считали чужеродным, иноэтничным обрядом. Эти погребения исследователи связывали с завоеванием Хедебю в IX в. королем Олафом. По сообщению средневекового хрониста, Адама Бременского, Олаф прибыл в Данию из Швеции. Поэтому и ранний могильник с камерами некоторое время считали погребениями шведских пришельцев. В литературе также существовало мнение о возникновении Хедебю как колонии фризов и первые погребальные камеры связывали с ними. Долгое время камеры Бирки так же интерпретировали как захоронения фризских или других, не шведских, приезжих купцов. То есть проблема «иной» культурной принадлежности камер существует не только в Древней Руси, но и в Скандинавии. Аналогичная ситуация прослеживается в отечественной историографии, где часть исследователей считает камеры захоронениями исключительно скандинавских пришельцев-викингов или «преуспевающих» североевропейских торговцев.

С проблемой происхождения обряда тесным образом связан вопрос о религии, которую исповедовали люди, воздвигавшие погребальные камеры. Существуют два подхода к этой проблеме. Одни исследователи считают захоронения в погребальных камерах наследием языческой эпохи. Вторые обращают внимание на отдельные предметы с христианской символикой и, на этом основании, настаивают на христианской принадлежности всех камер. Эта точка зрения подробно изложена в работах А.Е.Мусина (2002), который главным аргументом в споре считает «предметы личного благочестия». Большинство из них оказались нателными крестиками лежащими на груди погребенных в камерах X в. Действительно, в некоторых женских и мужских захоронениях нашли, вырезанные из дирхемов кресты, но примеров не так много. Они найдены в шести камерах из 71, т.е. только в 8% захоронений.

Важным в этом споре мне представляется анализ ритуальных особенностей камер. Анализ половозрастного состава группы населения, которую хоронили в камерах, свидетельствует о том, что в Бирке и в древнерусских могильниках доминирующее положение в составе погребенных занимали мужчины. Именно в этом варианте обряда второе – женское захоронение является сопровождающим. Важным фактом является непропорционально малое число детских

погребений и полное отсутствие погребений грудных детей, которые характерны для христианских кладбищ. Сочетание подобных черт с языческими амулетами, многочисленными сидячими захоронениями с разнообразным инвентарем, где важную роль играет «пиршественный» набор посуды и наличие заупокойной пищи заставляет сомневаться в христианской принадлежности как лиц, погребенных в камерах, так и всей группы хоронившей своих представителей по этому обряду.

Доминирующим фактором в реконструкции статуса погребенных в камерах является не конфессиональная или этническая, а *социальная* характеристика. На высокий социальный статус погребенных указывают как сопровождавшие мужские захоронения погребения женщин, так и многочисленные предметы международного импорта. Среди них оружие, вывезенное из области Рейна и Скандинавии, бусы из районов Средиземноморья, серебряные дирхемы из Халифата, а так же шелковые и льняные ткани, привезенные из Византии и Ирана. В раннесредневековом обществе предметы импорта были доступны, преимущественно, представителям верхней страты общества и являются ярким показателем высокого, элитного статуса погребений с такими импортами.

Достаточно осторожно, в некоторых случаях можно реконструировать стоимость некоторых погребальных наборов. Например, на инвентарь одного из самых богатых, по количеству вещей, шестовицкого погребения № 42 должны были потратить от 900 до 1500 г серебра, т.е. примерно 300-500 дирхемов или от 17.6 до 29 гривен по 51 г. Эта сумма была близка к сумме в 309 - 515 серебряных византийских милиарисиев. Для сравнения, во время приема в Константинополе княгиня Ольга получила от имп.Константина Багрянородного 500 милиарисия, а на следующем приеме – 200 милиарисия. Следовательно, для сооружения камер могли тратить достаточно большие суммы.

Важным для реконструкции статуса погребенных является топографическое расположение могил.. Практически все древнерусские и шведские, а так же значительная часть датских, погребальных камер связаны с могильниками первых торговых городов. В X в. этот обряд, практически не распространялся за пределы складывающихся древнерусских городских общин. Анализ инвентаря показывает, что в камерах хоронили состоятельных, но далеко не самых важных членов

общества. Для древнерусской верхушки существовал свой собственный погребальный обряд – большие «княжеские» курганы типа Черной Могилы и Гульбища. Они демонстрируют иной, более значительный уровень трудозатрат и «пышности» погребального ритуала, чем погребальные камеры (Петрухин, 1998).

Существует определенное противопоставление, обряда погребальных камер, традиционным ритуалам сельских родовых общин. Это заметно как по материалам Средней Швеции, так и Восточной Европы, где господствуют малоинвентарные захоронения по обряду сожжения. С другой стороны, не всегда можно объяснить разницу между самыми богатыми и самыми бедными погребениями в камерах. Все они принадлежат к одному типу погребального обряда с высоким статусом. На мой взгляд, это противоречие связано с тем, что высоким статусом обладала вся группа, которая хоронила в камерах, но внутри этой группы её представители имели различное благосостояние. Эта группа связана, почти, исключительно с ранними городами. По-видимому, люди, хоронившие в камерах являлись частью городских общин. На мой взгляд, единственная в это время группа, обладающая подобным высоким коллективным статусом, обозначена в ПВЛ термином «вся Русь». Подтверждения этой гипотезе можно найти в трудах арабских авторов. Ибн-Фадлан и Ибн-Русте упоминают обширные деревянные склепы в качестве особого похоронного ритуала древних руссов. По-видимому, камеры – это дохристианский погребальный обряд новой, социальной, и в какой-то мере, новой для Восточной Европы этнической группы – *руси*. Эта группа формируется в городах, отличается от окружающих славянских и финно-угорских племен. Она имеет ярко выраженную североευропейскую составляющую и вещевой набор, указывающий на её связи с международной торговлей.

В **заключении** кратко подведены итоги исследования. Выявленное единство погребального обряда древнерусских камер, заключающееся в характерных конструктивных особенностях, составе инвентаря и наборе обрядовых действий, позволяет предположить, что за этими погребениями стоит достаточно сплоченная, но территориально дисперсная группа населения. В X в. единственная известная нам группа с подобными характеристиками и эклектичной культурой называлась Русь («вся Русь», «род Русский»).

Основные положения диссертации изложены в следующих работах:

1. К вопросу о формировании всаднической субкультуры в Древней Руси // Новгород и Новгородская земля: История и Археология. Вып 8. Новгород, 1994, 93-103.
2. Южноскандинавские черты в погребальном обряде плакунского могильника // Новгород и Новгородская земля: История и Археология. Вып 10. Новгород, 1996, 52-60.
3. Погребение мужчины с двумя конями на вершине сопки насыпи на Плакуне в сфере погребальных традиций эпохи викингов // Древности Поволховья. СПб, 1997, с. 105-116.
4. Центральноазиатские ременные украшения в материалах древнерусских памятников X в. // Новгород и Новгородская земля: История и Археология. Вып.11. Новгород, 1997, с. 251-260.
5. Камерные погребения эпохи викингов в Дании: Рец.: Eisenschmidt S. Kammergraber der Wikingerzeit in Altdanemar // Universitätsforschungen zur Prahistorischen Archaologie. Bd. 25, Bonn, 1994 // Археологические Вести, СПб, 2000, № 7, с. 344-346.
6. Новгородские наборные пояса XI-XII вв // Археологические Вести. № 7, СПб., 2000, 222-228 (в соавторстве с В.Ю.Соболевым).
7. Древнерусские камерные погребения и Гнёздово // Гнёздово. 125 лет исследования памятника // Труды ГИМ. Выпуск 124 . М., 2001, 159-175.
8. Скандинавский могильник в урочище Плакун (заметки о хронологии и топографии) // Ладога и её соседи в эпоху средневековья. Санкт-Петербург, 2002, с. 63-68.
9. Новые находки наконечников ножен мечей на Рюриковом городище // Археологические Вести № 9, СПб., 2002, 136-140 (в соавторстве Е.Н.Носовым).
10. Развитие древнерусской поясной гарнитуры в XI в. (по материалам поясов “новгородского” типа) // Русь в IX-XIV веках: взаимодействие Севера и Юга. Тезисы докладов. М., 2002, С.

11. Скандинавский могильник в урочище Плакун. (на японском яз. Перевод Эйити Имамура) // Discussion Paper №02-3 School of Information and Sciences & Graduate School of Humanan Informatics. Nagoya, 2003.
12. Курганные могильники Старой Ладogi // Старая Ладога древняя столица Руси. Каталог выставки в Государственном Эрмитаже. СПб., 2003, с.153-158.
13. Время появления камерных погребений в Старой Ладoge// Ладога первая столица Руси. 1250 лет непрерывной жизни// Седьмые чтения памяти А. Мачинской. СПб., 2003. с.73-78.
14. Киевский языческий некрополь и церковь Богородицы Десятинная // Российская археология. №1. М, 2004. с.35-45.
15. Новые архивные материалы по археологическому изучению древнего Киева // “Археологические Вести”. №11. СПб., 2004, С. 227-232 (в соавторстве с Д.Елшиным).